

Metamorphoses of Identity in the Russian-Ukrainian Borderland¹

(a) Gennady V. Kosov, (b) Lyudmila N. Garas

(a) Sevastopol State University, Sevastopol, Russia,
Email: kossov1[at]yandex.ru ORCID 0000-0002-1422-895X

(b) Sevastopol State University, Sevastopol, Russia,
E-mail: garas_ln[at]mail.ru ORCID 0000-0002-0391-652X

Abstract

The article examines the features of the formation of identity of the population of the Russian-Ukrainian borderland. It is emphasized that the collapse of the Soviet Union led not only to the emergence of new states on the political map of the world, but also launched the process of forming a new borderland. There is a surge of interest in both domestic and foreign scientific communities regarding issues related to "border studies". The authors emphasize that this issue in the light of modern reintegration processes of post-Ukrainian regions requires scientific reflection. The methodological basis of the study was the concept of liminality, as well as the comparative method, which made it possible to identify the specifics of the formation of identity of the European transborder region of Alsace-Lorraine in comparison with the features of identity formation in the Russian-Ukrainian borderland. The article draws attention to the fact that the common historical and political past of the new states causes difficulties in delimitation and demarcation of the border, since at the level of Russian and Ukrainian society there is, especially initially, a clearly expressed high level of connectivity. It is emphasized that over time, the Ukrainian border is endowed with a special symbolic meaning of protection from the "dangerous openness from the East" - Russia and becomes securitized. The authors cite the example of the transborder European region of Alsace and Lorraine, which was previously characterized by a high level of conflict, the tragedy of separated families, forced migration and other problematic fields, and today is a separate unique world with an extremely complex hybrid identity that preserves the cultural and historical uniqueness of the Franco-German border. The authors, emphasizing that official state borders are not always identical to socio-cultural borders, come to the conclusion that a possible solution to this problem could be the formation of a hybrid (liminal) identity in the conditions of a transborder region on the Russian-Ukrainian border.

Keywords

Post-Soviet Space; New Borders; Delimitation; Demarcation; Socio-Cultural Space; Barrier/Contact Function of the Border; Regional Identity; Transborder Region; Russian-Ukrainian Borderland; Hybrid (Liminal) Identity

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

---

1 The study was carried out within the framework of the Russian Science Foundation project №. 23-28-01684 "Peculiarities of perception of state transit in the regions of post-Ukraine"

Метаморфозы идентичности российско-украинского пограничья¹

(a) Косов Геннадий Владимирович, (b) Гарас Людмила Николаевна

(a) Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия
E-mail: kossov1[at]yandex.ru ORCID 0000-0002-1422-895X

(b) Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия
E-mail: garas_ln[at]mail.ru ORCID 0000-0002-0391-652X

Аннотация

В статье исследуются особенности формирования идентичности населения российско-украинского пограничья. Подчеркивается, что распад Советского Союза привел не только к появлению на политической карте мира новых государств, а и запустил процесс формирования нового пограничья. Отмечается всплеск интереса и в отечественной, и в зарубежной научной среде относительно вопросов, связанных с «пограничными исследованиями». Авторы акцентируют внимание на том, что данная проблематика в свете современных реинтеграционных процессов регионов пост-Украины требует научной рефлексии. Методологической основой исследования стала концепция лиминальности, а также сравнительный метод, позволивший выявить специфику формирования идентичности европейского трансграничного региона Эльзас-Лотарингия в сопоставлении с особенностями становления идентичности на российско-украинском пограничье. В статье обращается внимание, что совместное историческое и политическое прошлое новых государств обуславливает трудности делимитации и демаркации границы, так как на уровне российского и украинского общества присутствует, особенно первоначально, явно выраженный высокий уровень связанности. Подчеркивается, что со временем украинская граница наделяется особым символическим смыслом защиты от «опасной открытости с Востока» – России и становится секьюритизированной. Авторы приводят пример трансграничного европейского региона Эльзас и Лотарингия, который ранее характеризовался высоким уровнем конфликтности, трагедией разделенных семей, вынужденной миграцией и иными проблемными полями, а сегодня – являют собой отдельный уникальный мир с чрезвычайно сложной гибридной идентичностью, сохраняющей культурную и историческую уникальность франко-германской границы. Авторы, подчеркивая, что официальные государственные границы не всегда тождественны границам социокультурным, приходят к выводу, что возможным решением данной проблемы могло бы стать формирование гибридной (лиминальной) идентичности в условиях трансграничного региона на российско-украинском пограничье.

Ключевые слова

постсоветское пространство; новые границы; делимитация; демаркация; социокультурное пространство; барьерная/контактная функция границы; региональная идентичность; трансграничный регион; российско-украинское пограничье; гибридная (лиминальная) идентичность

Это произведение доступно по лицензии [Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

1 Исследование выполнено в рамках проекта РНФ № 23-28-01684 «Особенности восприятия государственного транзита в регионах пост-Украины».

Введение

В современном мире государственные границы, выступая маркерами, обозначающими политико-административное пространство, оказывают влияние на специфику взаимодействия между государствами, способствуя оформлению контактных/барьерных зон и приграничных территорий, воздействуют на формирование идентичности населения. Тем не менее, государственные границы нередко не тождественны границам в восприятии субъекта, например социокультурным, что может приводить к коллизиям идентификационного порядка и являться вызовом стабильности общества и государства.

Качественные изменения на политической карте мира в 90-х гг. XX в. – появление новых государств, актуализировав вопрос межгосударственных границ на постсоветском пространстве, запустили процесс формирования нового пограничья. Весьма интересной областью для исследования как в силу высокой чувствительности к историческим, экономическим, социокультурным факторам, так и из-за геополитического характера, выступает российско-украинское пограничье.

Цель представленного исследования – проанализировать особенности идентичности населения российско-украинского пограничья.

Теоретико-методологические основы исследования

Проблематика границ и пограничья находится в фокусе как отечественных, так и зарубежных ученых. Рост теоретической сложности обусловил появление междисциплинарных исследований о границах, пограничном взаимодействии, особенностях идентичности пограничья, что позволяет вести речь о выделении такого научного направления как «boundary studies» и даже об очередном повороте в социально-гуманитарном знании – «boundary turn».

Несмотря на то, что термин «граница» был ключевым для исследователей социально-политических процессов, начиная с XIX в., в период усиления в Европе процессов государственного и национального строительства. Тем не менее, широкое применение термин «граница» получает практически спустя столетие в контексте идей космополитизма и глобального «мира без границ». Однако, разрушение биполярной системы международных отношений, «исчезновение» линии противостояния между капиталистическим и социалистическим мирами на рубеже 1990-х гг. актуализируют исследования в области «новых» границ и «нового» пограничья.

В трудах таких исследователей как О. И. Вендина, В. А. Колосов, Д. Ньюман [Newman, 2003], А. Пааси [Paasi, 2005], Г. Попеску [Popescu, 2012], Т. М. Уилсон [Donnan, Wilson, 2012] и других. Границы предстают как многогранные и многоуровневые институты и процессы, пересекающие пространства не

только в административном и геополитическом, а и в социокультурном и экономическом плане.

Распад СССР актуализировал изучение границ новых государств. Несмотря на то, что прошло уже свыше тридцати лет, политическая карта постсоветского пространства остается весьма подвижной, что делает изучение границ, приграничных регионов, вопросов идентичности весьма актуальными для фокуса исследователей. Вопросами изучения особенностей феномена границы на постсоветском пространстве занимаются В. Д. Боечко, В. А. Воронков, О. И. Ганжа [Боечко, Ганжа & Захарчук, 1994], Г. Г. Ефименко [Ефименко, Кульчицкий, 2008], Б. И. Захарчук, С. В. Кульчицкий, Дж. В. Скотт и др.

Различные аспекты российско-украинской границы исследуют Т. Ю. Журженко [Zhurzhenko, 2010], А. Н. Романуха и др. В частности, В. С. Тикунов и А. И. Игонин, анализируя вопросы формирования и устойчивости российско-украинской границы, выделяют четыре группы ее участков по степени устойчивости, что позволяет не только изучать границы в историческом срезе, но и открывает возможности моделирования сценариев развития трансграничных процессов в будущем [Тикунов, Игонин, 2018].

Вопросы идентичности, в том числе идентичности украинского пограничья, исследовали Л. Баррингтон, С. В. Мельничук, В. П. Рогатин, Л. В. Томайчук и другие. Я. В. Верменич акцентирует внимание на особенностях регионализма на Украине через призму культуры, анализирует специфику территориальной идентичности украинского пограничья, уделяя пристальное внимание Донбассу, Крыму и т.д.

Российско-украинское трансграничное сотрудничество в своих трудах анализируют С. Л. Баринов, Т. Л. Бородина, И. Н. Волкова, А. П. Голиков, П. А. Черномаз и другие. В фокусе исследования Л. Б. Вардомского находятся вопросы экономического развития приграничных регионов России, причем не только как частей российского пространства, а и как мостов сотрудничества с соседними странами. Трансграничные исследования идентичности всесторонне анализируются в трудах В. Д. Попкова, Н. В. Межевича, которые уделяют внимание формированию особого типа идентичности - «переходной» - в приграничных регионах, способной обуславливать как укрепление межгосударственных отношений, так и выступить в качестве детерминанты конфликтного взаимодействия.

Подобный рост внимания ученых к пограничным исследованиям связан с переосмыслением феномена границ, которые сегодня выступают как нечто большее, чем просто физическая демаркация. Границы в современных условиях начинают мыслиться не в координатах статичности, а как находящиеся в движении, атерриториальные и/или воображаемые. При этом, отметим, что воображаемые границы на самом деле тоже реальны, так как воображение

является одной из реалий человеческой психики и, следовательно, человеческого бытия.

Методологическая база исследования связана с концепцией лиминальности Б. Томассена [Thomassen, 2009], акцентирующей внимание на темпоральных и пространственных аспектах лиминальности. Феномен лиминальности в качестве промежуточного состояния или места, характеризующегося неопределенностью, амбивалентной гибридностью, обладающей потенциалом изменений, описывает американский исследователь индийского происхождения Х. Баба, считая, что переход между фиксированными идентификациями открывает возможность культурной гибридности [Bhabha, 1996]. Именно в пространстве «между» формируется парциальная культура, представляющая собой «соединительную ткань», обладающая чертами обеих культур, но в то же время отличается от них уникальностью [Bhabha, 1996, p. 55]. То есть концепт «лиминальность» успешно адаптирован к описанию границы, разделяющей отдельные сферы, идентичности или дискурсы [Chakraborty, 2016].

Сравнительный метод позволил проанализировать особенности формирования уникальной лиминальной идентичности трансграничного региона Эльзас-Лотарингия в сравнительном аспекте формирования идентичности трансрегионов на российско-украинской границе. В результате чего авторы приходят к выводу, что оформление регионов подобного типа можно считать попыткой нивелирования потенциальной конфликтности, формируемой границей и периодическим обострением барьерности коррелирующим с устремлением Украины в европейский интеграционный проект, что способствовало усилению региональной идентичности.

Основная часть

Пограничье, в первую очередь, связано с понятием «граница». Определяя сложность данного феномена, российский исследователь В. А. Колосов отмечает, что граница представляет собой «не только условную статичную линию на земной поверхности и правовой институт, но и основу определенных социальных практик» [Колосов, 2022, с. 25], то есть она выступает фундаментальной основой территориальной организации общества и человеческой психологии [Российско-украинское пограничье: двадцать лет разделенного единства, 2011, с. 8].

На преимущественно психологическом характере границы, акцентировал внимание и немецкий социолог Г. Зиммель, утверждавший, что граница является «кристаллизацией или пространственным выражением процессов психологического ограничения» [Simmel on Culture: Selected Writings, 1997, p. 102], которые и необходимо рассматривать как реальные барьеры между людьми. То есть границы «фиксируют» пространство и наполняют его конкретным социальным содержанием. Как отмечает австрийский исследователь Б. Хазельсбергер, все границы, кроме биофизических, являются неодно-

значными человеческими конструкциями, производимыми, воспроизводимыми и оправдываемыми через социальные практики и дискурсы [Haselsberger, 2014, p. 506].

Границы достаточно изменчивы как в пространстве, так и во времени. Согласно британскому исследователю У. Уоллесу [The dynamics of European integration, 1992, p. 6], в Европе все границы в какой-то момент истории сдвинулись, и только 10 европейских государств сегодня имеют те же границы, что и 100 лет назад. Свыше 60% нынешних границ так называемого «старого континента» проведены в течение XX в. [Foucher, 1998, p. 235]. Каждая граница обладает своеобразием, в силу чего необходимо определить факторы, детерминирующие ее формирование.

Распад Советского Союза в 1991 г. привел к появлению на политической карте мира новых государств, границами между которыми были объявлены «линии условного деления между союзными республиками», то есть бывшая внутренняя (межреспубликанская) граница перешла в разряд государственной. Население постсоветского пространства к подобному решению отнеслось неоднозначно, вплоть до того, что «... посчитало их несправедливыми, тем более что основной признак образования новых государств – этнический ...» [Шинкарецкая, 1995, с. 88]. Например, «прохождение границ у Белгорода, Брянска и Ивангорода ... оставило значительную часть населения, идентифицирующего себя как «русские», вне российских границ» [Межевич, 2014, с. 96]. Согласно данным Всероссийской переписи населения 2002 г., доминантной этногруппой на сухопутном участке российско-украинской границы являются русские, а второй по численности выступает украинская этногруппа и составляет: Брянская область – 1,5% (20214 чел.), Курская область – 1,7% (20920 чел.), Белгородская область – 3,8% (57846 чел.), Воронежская область – 3,1 % (73716 чел.), Ростовская область (имеет комбинированную границу) – 2,7% (118486 чел.) [Национальный состав населения по регионам России, 2002].

Всеукраинская перепись населения 2001 г. зафиксировала рост доли украинцев (титульного этноса) по сравнению с предыдущей переписью 1989 г.: с 72,7% до 77,8%. Доля украинцев во всем населении Украины превысила 88% в 14 из 27 регионов. Тем не менее, в Одесской области, Автономной республике Крым, городе Севастополе и на востоке страны, она была ниже 70%. На сопредельной с РФ территории на 2001 г. русская этногруппа в Украине была второй по численности и составила: Черниговская область – 5% (6,8% в 1989г.), Сумская область – 9,4% (13,6% в 1989г.), Харьковская область – 25,6% (33,3% в 1989г.), Луганская область – 39% (44,8% в 1989г.), Донецкая область (комбинированная граница) – 38,2% (43,6% в 1989г.) [Всеукраїнський перепис населення, 2001]. Данные и всероссийской, и всеукраинской переписей населения свидетельствуют о приграничных социумах как о социокультурно смешанных, с одной лишь разницей – соотношением в долях. Таким образом, государства по

обе стороны появившейся границы в одночасье получили не только «новые» границы, а и «новые» вызовы отложенного действия, детерминированные ими.

Формально появившись в 90-е гг. XX в., межгосударственная граница требовала четко определенной линии разграничения между Россией и Украиной, что обуславливало проведение делимитационных и демаркационных работ. Правовое оформление современной российско-украинской границы прошло ряд этапов [Романуха, 2019, с. 18]: 1) 1991-1996 гг. – формирование собственного внешнеполитического курса странами и осуществление внутригосударственного переустройства; 2) 1996-2003 гг. – начало переговорного процесса и подписание соглашения о делимитации сухопутной границы; 3) 2004-2010 гг. – развитие переговорного процесса относительно демаркации границы; 4) 2010-2014 гг. – подписание соглашения о демаркации границы, начинаются полевые работы; 5) 2015-2022 гг. обострение двусторонних отношений РФ и Украины, затруднительность решения вопроса демаркации и делимитации восточного участка границы в силу провозглашения ЛНР и ДНР и вхождения Крыма в состав РФ. Можно выделить и шестой этап, начавшийся в 2022 г. – вхождение ЛНР, ДНР, Херсонской и Запорожской областей в состав РФ – «движение границы» на запад – «новая демаркация».

Значительное влияние на современные делимитационные процессы оказывает исторический фактор. Многовековое разделение Украины на Правобережную и Левобережную (Западную и Восточную соответственно), нахождение в зонах двух цивилизационных и культурных влияний – европейского (Польша и Австро-Венгрия) и византийско-восточного (Россия), детерминировало их ментальные и иные различия, проявление которых имеет долгосрочный эффект.

Дальнейшее историческое развитие Украины коррелирует с подвижностью границ. В частности, появление современной российско-украинской границы связано с нестабильным периодом 1917-1921 гг. вначале как межгосударственной, а после создания СССР – как межреспубликанской с РСФСР. Отметим, что процесс договоренностей относительно делимитации границы РСФСР и УССР характеризовался трудностями, а вопрос об «украинских уездах Курщины и Воронежчины» поднимался вплоть до 1928 г. [Борисёнок, 2006, с. 104]. Тем не менее, интересы украинской республиканской элиты противоречили интересам центрального руководства СССР, ведь с позиции существующего единого государства проблема отсутствовала. Так, российские исследователи В. С. Тикунов и А. И. Игонин, отмечают, что ключевые изменения российско-украинской границы произошли в 1920-е гг. при обмене территориями между РСФСР и УССР, а все преобразования происходили в результате управленческих решений, которые принимались практически без учета национального состава территорий и мнения населения [Тикунов, Игонин, 2018, с. 142].

После распада СССР, российско-украинская граница стала самой протяженной из всех границ Украины, а среди границ РФ российско-украинский отрезок составлял около 20 % всех новых границ страны. На 2010 г. по обе стороны границы проживало примерно равное число жителей – по 15 млн. чел., что составляло более 11% населения РФ и свыше 33,8% населения Украины [Бондарева, 2011].

Новые границы обладали своеобразием в плане контактности/барьерности на разных российских порубежьях. Например, границы РФ с прибалтийскими государствами (стали в 2004 г. членами Европейского союза и блока НАТО) стремительно трансформировались в новые геополитические рубежи. Иные же постсоветские границы медленно изменялись и вообще длительный период не воспринимались как полноценные международные границы (например, российско-украинская и др.). Границы являются многослойными (многоуровневыми) феноменами. В силу чего западная граница России, выступает как граница с государством Украина, одновременно как граница с внутренними регионами Украины – частью северо-восточного и юго-восточного регионов Украины, а еще шире – ЕС и западным миром. Со стороны РФ – граница государства, граница с субъектами федерации и – евразийского интеграционного проекта. Линии разграничения, фиксируя территориальные различия, одновременно продуцируют их, формируя географическое место – уникальность территорий разного ранга и идентичность их жителей.

Активизация переговорного процесса о решении вопроса оформления российско-украинской границы началась в 1992 г., а до этого времени, как пишет украинский исследователь А.Н. Романуха, даже Украина не проявляла никакой активности в этом вопросе [Романуха, 2019, с. 19]. Конечно, данные процессы носили объективный характер, так как государства переживали сложные процессы трансформации, а общества находились в моменте определения перспектив будущего. В 1992 г. было подписано соглашение о дальнейшем развитии межгосударственных отношений, а также принята договоренность относительно сохранения принципа открытости государственных границ при поэтапном введении соответствующего международным стандартам таможенного контроля [Российско-украинская граница, 2014].

Совместное пребывание новых государств в рамках Российской империи, советского государства, близость культур привели к развитию тесных приграничных интеграционных связей, что обуславливало трудности разграничения. Высокий уровень связности России и Украины проявлял себя в области экономики, логистики и многом другом. Например, страны связывают 25 железнодорожных магистралей, 3 автострасы, около 100 дорог с улучшенным покрытием, почти 300 грунтовых дорог и свыше 400 объездных путей и др. [Российско-украинская граница, 2014].

Связанность присутствовала и на уровне обществ, ведь существуя в течение длительного периода как единое целое, принятие правового акта не осуществляло мгновенную «делимитацию и демаркацию» российского и украинского социума, привыкшего себя мыслить в совершенно иных категориях. То есть появление официальной границы не коррелировало с границами этническими и социокультурными, напротив наряду с официальными границами появились размытые, подвижные и проницаемые границы, которые по-разному проявляли себя в различных сферах жизни общества. В силу чего можно вести речь о феномене идентификационных границ, которые, присутствуя в нашем сознании [Межевич, 2014, с. 97], способны резонировать с соотношением себя с нацией, государством и предполагаемой лояльностью.

Границы являются не просто «видимыми линиями» в пространстве или на карте. Напротив, они представляют собой весьма сложные социальные конструкции, на которые накладывается множество различных значений и функций. Границы способны фиксировать символические различия, отделяющие одно коллективное «я» от других. Парадокс заключается в том, что современные границы, разделяя государства, народы, людей, способны превращать приграничные территории в центры особых регионов, в рамках которых рождаются новые формы солидарности и новое социальное пространство, которое может выстраиваться не на оппозиционной бинарности «или-или», а путем смешения и наложения, находить выражение в различных практиках и дискурсах. В данном ключе необходимо подчеркнуть особую роль приграничных территорий – шире пограничья.

В нашем исследовании мы не опираемся на парадигму «пограничье как периферия» в силу того, что дихотомию «центр-периферия» считаем контрпродуктивной, акцентирующей внимание лишь на асимметричных отношениях и стремящихся подчеркнуть примитивизацию пограничья в ценностном плане. Напротив, мы исходим из того, что пограничье, выступая самодостаточной средой для жизни, представляет собой «социально-географическую зону, в рамках которой наиболее эффективно взаимодействуют экономические, культурные, правовые и политические системы сопредельных стран и сталкиваются их интересы» [Колосов, 2003, с. 45]. Несмотря на то, что феномен границы несет смысл раздвоения и демаркации, пограничье может выступать неким мостом, зоной контакта между двумя центрами. Как пишет польский исследователь С. Ульяш, пограничье является переходной зоной, в которой формируется особый тип общности, применяющей соответствующие коды и символы, формирующий особый тип личности с характерным типом сознания [Uliasz, 1998, s. 9]. Пограничье характеризуется наличием региональной субкультуры с уникальной философией жизни и своеобразной идентичности. Здесь культурная, социальная и политическая идентичности более подвижны, а принадлежность может быть множественной, гибридной.

Конечно, граница продуцирует идентичность, которая на приграничных территориях выступает и как граница (граница между идентичностями в географическом пространстве), и как взаимовлияние формальных границ (в первую очередь государственных) и идентичностей» [Межевич, 2014, с. 97].

В зонах пограничья люди преимущественно не считают соседей по другую сторону границы культурно «иными». Здесь идентичность ситуативна, подвижна, ризомна – одна идентичность легко соединяется с иной. По сути, в приграничных регионах формируется особый тип идентичности, который существенно может различаться от идентичности населения внутренних регионов обоих государств, что позволяет анализировать данный феномен в категориях теории лиминальности.

После распада Советского Союза на Украине начался активный процесс трансформации советской идентичности и рост значения этнической принадлежности, особенно украинской. Данные процессы усилили фрустрацию жителей приграничных регионов юго-востока Украины, что вынудило их обратиться к поиску фундаментальных констант бытия, базовыми из которых стали этничность, язык, религия, регион. Можно согласиться с мнением испанского социолога М. Кастельса, который отмечал, что в период стремительных изменений «люди склонны группироваться вокруг первичных источников идентичности: религиозных, этнических, территориальных, национальных ... поиск идентичности, коллективной или индивидуальной, приписанной или сконструированной, становится фундаментальным источником социальных значений» [Кастельс, 2000, с. 7].

Авторы статьи «Галичина и Донбасс как идеальные модели региональной идентичности: социокультурные корни противостояния западной и восточной Украины» [Косов, Ярмак & Гарас, 2024] приходят к выводу, что на востоке Украины доминировала региональная идентичность, которая тяготела в социокультурном плане к России. Так, украинская идентичность на границе подвижна и ситуативна, она легко соединяется с российской, славянской, постсоветской, а также наблюдается сосуществование европейского дискурса и дискурса восточнославянского единства. Следует отметить, что региональная идентичность представляет собой структурный вариант идентичности высшего уровня, данный вариант остается в границах предельного состояния, не предполагающего перехода к другой или возникновения новой идентичности [Мельникова, Маматов & Пастюк, 2016, с. 154].

Согласно данным количественного опроса населения приграничных регионов России и Украины, проведенного в июне 2015 г. (исследование проходило в Белгородской, Брянской, Воронежской и Курской областях РФ и Луганской, Сумской, Харьковской и Черниговской областях Украины) [Мельникова, Маматов & Пастюк, 2016, с. 155], лиминальные идентичности населения приграничных регионов России и Украины, имеют значительный уровень

общности, как минимум в отношении одного из основополагающих элементов идентичности – базовых ценностях.

Российские исследователи М.П. Крылов и А.А. Гриценко [Крылов, Гриценко, 2012] отмечают, что для большей части населения России особым типом восприятия и идентификации «своих» выступает «землячество», что просматривается и в регионе порубежья. Интересно, что жители приграничных территорий РФ нередко земляками считают жителей соседних областей Украины, при этом жителей «своей» области земляками считают не всегда. Например, 10% респондентов Брянской области, 25% – Курской области, 30% – Белгородской к своим землякам относят жителей таких украинских городов как Новгород-Северский, Сумы, Глухов, Харьков, Волчанск. В то же время просматривается некая дихотомия «свой-чужой» в границах административной области, а именно прилегающими к российско-украинской границе, и находящимися в противоположной части региона, что обуславливается преимущественно не политическим фактором, а историческим.

Фактически речь идет о существовании региона, характеризующегося социокультурным единством и не совпадающим с государственными границами. Согласно Д. Ньюману [Newman, 2003, p. 16], термин «пограничный регион» чаще используется для обозначения территории, расположенной непосредственно вдоль внешней границы государства или охватывающей ее, а два смежных приграничных региона образуют «трансграничный регион». Конечно, «далеко не любые территории по обе стороны границы можно считать едиными трансграничными регионами, их следует различать с приграничными, которые в силу разных причин (прежде всего, повышенной роли барьерной функции границы и принадлежности к разным, некомплементарным культурным мирам) слабо связаны со своими зарубежными соседями» [Герасименко, 2005, с. 76].

Именно в трансграничных регионах сильно наследие «несуществующих» границ, которое, опираясь на «тень» истории и иные механизмы исторической преемственности, делают исторические границы мощными предикторами последующих событий. То есть историческая принадлежность территорий в прошлом способна продуцировать долгосрочные эффекты границ.

Учитывая особенности развития и специализацию экономики в СССР, после его распада возникла необходимость активизации трансграничного сотрудничества сопредельных регионов бывших союзных республик и продолжения региональной интеграции в новых условиях. Так, на российско-украинской границе в 2003 г. создаются такие трансрегионы как «Днепр» (Гомельская обл. Беларуси, Брянская обл. РФ, Черниговская обл. Украины) и «Слобожанщина» (Белгородская обл. РФ, Харьковская обл. Украины); в 2007 г. – «Ярославна» (Курская обл. РФ, Сумская обл. Украины); в 2010 г. – «Донбасс» (Воронежская и Ростовская обл. РФ, Донецкая и Луганская обл. Украины) [Голиков, Черномаз, 2014, с. 87]. К одним из наиболее развитых регионов

российско-украинского пограничья можно отнести «Слобожанщину», который в 2004 г. был принят в Ассоциацию европейских приграничных регионов (АЕВР) первоначально в качестве наблюдателя, а в 2009 г. – в качестве полноправного члена [Голиков, Черномаз, 2014, с. 90]. Тем не менее, на фоне большого количества положительных эффектов сотрудничества, можно отметить и проблемные поля, а именно: нестабильность российско-украинских отношений, также их корреляция с симпатиями/антипатиями конкретных персон, обладающих властными полномочиями; спорадический характер работы в плане решения проблем; ненадлежащее ресурсное обеспечение; отсутствие стратегического планирования развития региона; отсутствие формальных институтов трансграничного сотрудничества и т.п.

Несмотря на ряд проблемных моментов, по большому счету речь можно вести о сетевизации отношений в трансграничном сообществе, когда сложные коммуникационные сети существуют поверх официальных линий разграничения. Изменение политических реалий на начальном этапе мало что трансформировало на российско-украинской границе, ведь, как пишут М.В. Зотова и В.А. Колосов: «... трансграничные практики раннего советского периода заложили прочную основу для формирования доверительных и близких отношений в пограничье. ... возникли прочные чувства единства...» [Зотова, Колосов, 2018, с. 47].

Население по обе стороны российско-украинской границы было убеждено в необходимости проходимости границы для людей и товаров в обоих направлениях. В течение ряда лет после распада СССР и формального установления границы люди могли еще «по-соседски», почти беспрепятственно ее пересекать, как они привыкли это делать раньше.

Очевидно наличие высокой плотности связи, в которой «узлами» сети выступали города приграничья, а «украинские крупные города выполняли функцию региональных центров для всего пограничья». Хитросплетение человеческих судеб в приграничном сообществе породило достаточно прочные чувства единства и сплоченности на низовом уровне, а большинство людей не задумывались не только о национальной принадлежности друзей и знакомых, а и своей [Зотова, Гриценко & фон Левис, 2021, с. 9].

Однако, изменение регламентов пересечения границы постепенно сужало возможность перехода на территорию соседнего государства в любом удобном месте, а изменение отношений между РФ и Украиной отражалось на приграничном сотрудничестве. Постепенно происходит трансформация характера границы, которая вызывает раздражение и недовольство жителей пограничья. Однако, украинский исследователь Т. Журженко [Журженко, 2003] отмечает, что у государств Россия и Украина просто различаются представления о назначении границ и самом трансграничном сотрудничестве. В частности, Украина сотрудничество с Россией рассматривает в сугубо прагматичных терминах, лишенных какой-либо идеологической нагрузки. При этом

сама граница коррелирует с проблемой национальной идентичности, приобретая особый символический смысл защиты от «опасной открытости с Востока». В данном контексте государственная граница с Россией секьюритизирована, что в категориях Копенгагенской школы безопасности (Б. Бузан, О. Вевер и др.) означает конституирование этой границы в качестве экзистенциальной угрозы для украинского общества. Следовательно, безопасным для Украины будет дистанцирование от России и от общего историко-культурного наследия двух стран. Поэтому в качестве угроз преподносятся культурное и информационное воздействие России, угрозы касательно языковой идентичности, стремление российского бизнеса «захватить» страну, нелегальная миграция и т.п.

Для России, напротив, развитие приграничного сотрудничества наделено особым «символическим значением и имеет определенную идеологию. Прежде всего, это идеология восточнославянской дружбы, общие историко-культурные корни, общая судьба двух братских народов, окончательно сложившаяся в советское время» [Журженко, 2003]. Однако перемены, произошедшие в российско-украинском пограничье в дальнейшем отразились не только на жизни местного населения, но и на вопросах идентичности.

Эльзасский оксюморон

В силу этого интересным является опыт современного развития трансграничных регионов, которые ранее характеризовались высоким уровнем конфликтности, трагедией разделенных семей, вынужденной миграцией и иными проблемными полями. Немногие европейские пограничные территории были столь же спорными, как Эльзас и Лотарингия. Будучи регионом, географически расположенным между Францией и Германией, они нередко становились объектом притязаний обоих государств, что характерно как для раннего исторического периода, так и относительно недавнего прошлого. Оказавшись в центре европейских конфликтов в XIX и XX вв., только в период с 1871 по 1945 гг., население Эльзаса четыре раза вынуждено было изменять свою национальность [Kokaisl, Hamouzova, Hromadkova & Jarolímková, 2013]. Каждое подобное изменение требовало культурной и языковой адаптации жителей в контексте укрепления суверенитета Франции или Германии над этим регионом.

Несмотря на то, что Эльзас был немецкоязычным регионом, тем не менее, вхождение его в состав Германии в 1871 г. по Франкфуртскому мирному договору, не приветствовалась ни в Эльзасе, ни в соседней Лотарингии, которая была преимущественно франкоязычной. Эльзас стал символическим франко-германским полем битвы, в пространстве которого оба государства продолжали противостоять друг другу после 1871 г. То есть фактическими участниками битвы стали не столько французы и немцы, сколько эльзасцы, которые дорожили своим французским прошлым и французским культурным насле-

дием, при этом они стремились сохранить свои нефранцузские (немецкие) особенности, то есть не хотели становиться похожим ни на одну другую французскую провинцию.

Стремление немцев агрессивно германизировать Эльзас, включали устранение всего, что напоминало о его французском прошлом. Так, в общественном пространстве на смену двуязычным надписям (допускались первоначально) приходят лишь немецкие, а пение Марсельезы или даже самая безобидная цветовая комбинация синего, белого и красного цвета нередко начинает интерпретироваться властями как мятежный вызов, требующий обязательного наказания за «профранцузское» поведение. Подобная политика насильственной германизации предотвратила возникновение какой-либо симпатии к Германии и, одновременно, дала региональный отклик – усилила развитие эльзасизации. Отметим, что к 1914 г. прочно утвердилась «протонациональная эльзасская идентичность, которая уже не была французской, но и определенно не была немецкой» [Klein, 2006, p. 508], а сформировалась «региональная гибридная идентичность».

Болезненная реинтеграция Эльзаса–Лотарингии после Первой мировой войны актуализировала вопрос о месте региона во Франции, а именно: что значит быть регионом Франции, на фоне недавнего прошлого как части Германской империи. В целях «нормализации» региона французское государство провело широкомасштабные чистки, стремясь разграничить «хороших» и «плохих» эльзасцев, а часть населения (немцев) была «выдавлена» из страны. Подобная градация населения по этническому признаку разделила эльзасское общество, актуализировала вопросы идентичности, гражданства и лояльности.

В системе образования французский язык был навязан поколению, которое обучалось на немецком языке, а в сфере государственного управления – в Эльзас было отправлено большое количество государственных служащих, совершенно незнакомых со спецификой региона, его культурой и языком. В силу вышеперечисленного, и французы быстро растратили капитал симпатий эльзасцев.

Сегодня Эльзас, будучи одним из самых маленьких регионов Франции (столица г. Страсбург), является одним из ее самых богатых регионов. В 80-е XX в. региону была предоставлена определенная автономия. Так, с 1982 г. в Эльзасе действует собственный региональный совет, утверждающий региональный бюджет. С 1990-х гг. на региональном уровне получает все большее распространение двуязычное (немецко-французское) образование. Отметим, что эльзасцы гордятся своим специфическим диалектом, который часто называют отдельным языком – эльзасским и продвигают сегодня.

Интересным аспектом, указывающим на пограничность региона, выступает такой символ национальной идентичности как алкоголь [Carrol, 2020, p. 381], который указывает на то, каким образом алкогольные напитки обладают богатым потенциалом для освещения более широких проблем экономиче-

ского, культурного и политического спектра. Так в период между 1871 и 1918 гг. (Эльзас-Лотарингия в составе Германии) происходила «германизация через пиво». А с 1918 г. – в контексте осмысления французской идентичности региона, учитывая, центральное место роли вина во французской культуре и идентичности, так сказать, стала осуществляться «офранцузизация через вино», то есть стремление ответить на вопрос что именно является французским как в вине, так и в Эльзасе. Эльзасское вино стало символом вечной французскости региона. Конечно, все намного сложнее.

Эльзасский оксюморон показывает историческую эльзасскую двойственность, перетекающую в гибридность [Burdick, 2016, p. 164]. Так, эльзасские вина указывают, что на регион оказали влияние как французская, так и немецкая культура – французские рестораны в Германии утверждают, что специфика эльзасских вин, которые значительно отличаются от французских, обусловлена многовековым немецким влиянием.

Однако Эльзас является регионом с самым высоким производством пива во всей Франции, что опять же можно отнести к немецкому влиянию. Так, первые независимые пивоварни появились в Страсбурге в 1268 г. Сегодня на пять эльзасских пивоварен приходится в общей сложности 50 % французского производства.

Как отмечают авторы статьи ««Немецкая» культура во Франции – Эльзас и эльзасцы», большинство жителей сегодня все также подчеркивают региональный уровень своей идентичности, заявляя о принадлежности именно к эльзасскому региону. Согласно опросу учителей двуязычных школ Эльзаса, проведенному в 2006 г., почти две трети идентифицировали себя как эльзасцы, чуть менее трети как французы и 6% как наднациональные европейцы. То есть «эльзасцы слишком французы для немцев и слишком немцы для французов» [Kokaisl, Namouzova, Hromadkova & Jarolímková, 2013, p. 42].

Эльзас, обладая богатой и уникальной идентичностью, представляет собой, по сути, «отдельный мир, с идентичностью, сходной с идентичностью нации, со своими символами, языками, музыкой, литературой, культурой, поведением и законами» [Burdick, 2016, p. 184]. Кроме того, уникальное географическое, культурное и историческое значение региона в европейской истории привело к чрезвычайно сложной гибридной идентичности, которая иногда и весьма парадоксальна. Подобная региональная идентичность сохраняет как бы культурную и историческую уникальность франко-германской границы.

Попеременная интеграция Эльзаса и Лотарингии в течение нескольких десятилетий то во Францию, то в Германию вызвала сильную трансграничную (региональную) идентичность. Франко-германское приграничье в прошлом выступало фактором опасности и зоной конфликта, сегодня – является зоной контакта, обмена и открытости, что создает экономические и культурные возможности для населения региона.

Заключение

Появление на политической карте мира новых государств в 90-е гг. XX в. актуализировало вопросы идентичности новых приграничных территорий.

Официальные государственные границы не всегда тождественны границам социокультурным. В силу чего поддержание территориально-политического контроля силовыми методами, игнорирующими особенности региональных идентичностей, не могут оказаться успешными. Политический контроль над пограничной территорией не всегда способен обеспечить ее полноценную интеграцию в государство, а особенно в иное цивилизационное пространство. В этом контексте способен проявить себя исторический фактор, вызывая к жизни обострение отношений и повышение градуса конфликтности.

Особой спецификой обладает российско-украинское пограничье, специфика оформления которого, коррелируя с внешнеполитическим вектором Украины (с 2004 г. провозгласила курс на Евроинтеграцию), отображалась на отношениях и идентичности жителей в приграничных регионах востока и юго-востока страны. Например, после десятилетий независимости Украины Донбасс оставался носителем русской культуры, где население исповедовало преимущественно советские ценности, а немалая часть жителей восточного региона страны ностальгировала о СССР, а не стремилась попасть в Европу.

Возможным решением проблем формирования идентичности могло бы стать формирование гибридной (лиминальной) идентичности в условиях трансграничного региона. Создание трансрегионов на российско-украинском пограничье в начале 2000-х гг. могло стать драйвером не только экономического развития, а сформировать особый единый социокультурный мир с уникальной идентичностью. В этом мире будет нивелироваться жесткая дихотомия «свой» – «чужой» в контексте «разъединенного единства», а сформируется особый многомерный «жизненный мир» без барьеров внутри, с опорой на общую историю и духовное единство, предполагающий гармонизацию взаимоотношений трансграничного сообщества.

Финансирование

Статья подготовлена в рамках проекта при поддержке гранта РНФ № 23-28-01684 «Особенности восприятия государственного транзита в регионах пост-Украины».

Список литературы

- Боечко В.Д., Ганжа О.І., Захарчук Б.І. Кордони України: історична ретроспектива та сучасний стан. Київ: Основи, 1994. 68 с.
- Бондарева Н.Н. Проблемы и перспективы приграничного сотрудничества России и Украины // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования Российской академии наук. 2011. № 9. С. 364-383.

- Борисёнок Е.Ю. Феномен советской украинизации 1920-1930 годы. Москва: Европа; Институт славяноведения РАН, 2006. 245 с.
- Всеукраїнський перепис населення 2001 р. URL: <http://2001.ukrcensus.gov.ua/>
- Герасименко Т.И. Трансграничные этнокультурные регионы: методологические подходы к изучению // Известия Русского географического общества. 2005. Т. 137. № 1. С. 73-83.
- Голиков А.П., Черномаз П.А. Украинско-российский еврорегион "Слобожанщина" как форма межрегиональной интеграции // Евразийская экономическая интеграция. 2014. № 2 (23). С. 85-98.
- Єфіменко Г.Г., Кульчицький С.В. Кордони і територія України у ХХ ст. // Регіональна історія України. 2008. Вип. 2. С. 135-160.
- Журженко Т. Українсько-російський кордон як культурний і політичний конструкт // Українсько-російське пограниччя: формування соціального та культурного простору в історії та в сучасній політиці: матеріали семінару, Харків, 11 квітня 2003 р. / Інститут Кеннана. Харків, 2003. URL: https://www.kennan.kiev.ua/kkp/content/seminars/materials/2003_04_11.pdf
- Зотова М.В., Гриценко А.А., фон Левис С. Свои или чужие? Трансформация приграничных практик и отношение к соседям в Белгородской и Ростовской областях России после 2014 г. // Этнографическое обозрение. 2021. № 1. С. 124-144. DOI: 10.31857/S086954150013601-1
- Зотова М.В., Колосов В.А. Трансформация трансграничных взаимодействий на российско-украинском пограничье после 2014 года // Сравнительная политика России. 2018. Т. 9. № 2. С. 41-61. DOI: 10.18611/2221-3279-2018-9-2-41-61
- Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ.; под науч. ред. О.И. Шкаратана. Москва: ГУ ВШЭ, 2000. 606 с.
- Колосов В.А. Исследования границ в современном мире: прогресс теории и основные направления // Региональные исследования. 2022. № 3 (77). С. 23-36. DOI: 10.5922/1994-5280-2022-3-2
- Колосов В.А. Теоретическая лимнология: новые подходы // Международные процессы. 2003. № 3. С. 44-49.
- Косов Г.В., Ярмач О.В., Гарас Л.Н. Галичина и Донбасс как идеальные модели региональной идентичности: социокультурные корни противостояния западной и восточной Украины // Вестник Института социологии. 2024. Т. 15. № 3. С. 107-134. DOI: 10.19181/vis.2024.15.3.7
- Крылов М.П., Гриценко А.А. Региональная и этнокультурная идентичность в российско-украинском и российско-белорусском порубежье: историческая память и культурные трансформации // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2012. № 2. С. 28-42.
- Межевич Н.М. Идентичность и границы: некоторые теоретические вопросы и практики в восточной части Балтийского моря // Балтийский регион. 2014. № 3 (21). С. 95-106. DOI: 10.5922/2074-9848-2014-3-7
- Мельникова Р.И., Маматов А.В., Пастюк А.В. Феномен лиминальности идентичности населения российско-украинского приграничья // Средние и малые города приграничных регионов: материалы международного сборника научных трудов / под ред. В.П. Бабинцева. Белгород: Константа, 2016. С. 151-166.

- Национальный состав населения по регионам России // Всероссийская перепись населения 2002 года. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_02.php?reg=38
- Романуха О.М. Оформлення правового статусу сучасного українсько-російського кордону. Кривий Ріг: ДонНУЕТ, 2019. 82 с.
- Российско-украинская граница // Тасс. URL: <https://tass.ru/info/1267817>
- Российско-украинское пограничье: двадцать лет разделенного единства / отв. ред. В.А. Колосов, О.И. Вендина. Москва: Новый хронограф, 2011. 352 с.
- Тикуннов В.С., Игонин А.И. Российско-украинская граница - возникновение и устойчивость // Население и экономика. 2018. № 2 (4). С. 136-160. DOI: 10.3897/porpcon.2.e36062
- Шинкарецька Г.Г. Проблеми правонаступництва і границі Російської Федерації // Московський журнал міжнародного права. 1995. № 4. С. 84-105. DOI: 10.24833/0869-0049-1995-4-84-105
- Bhabha H.K. Culture's In-Between // Questions of Cultural Identity. London: SAGE Publications, 1996. Pp. 53-60. DOI: 10.4135/9781446221907.n4
- Burdick Ch. Branding the Alsatian Oxymoron: The Production of Ambivalent Identity // Signs and Society. 2016. Vol. 4, Issue S1. Pp. 163-187.
- Carrol A. Wine Making and the Politics of Identity in Alsace, 1918-1939 // Contemporary European History. 2020. No. 29(4). Pp. 380-393. DOI: 10.1017/S0960777320000375
- Chakraborty A.R. Liminality in Post-Colonial Theory: A Journey from Arnold van Gennep to Homi K. Bhabha // International Journal of Social Sciences. 2016. No. 1(1). Pp. 145-153.
- Donnan H., Wilson T.M. Borders and Border Studies // A Companion to Border Studies / Eds. T.M. Wilson, H. Donnan. Chichester: Wiley-Blackwell, 2012. Pp. 1-25. DOI: 10.1002/9781118255223.ch1
- Foucher M. The Geopolitics of European Frontiers // The Frontiers of Europe / Eds. M. Anderson, E. Bort. London: Continuum, 1998. Pp. 235-250.
- Haselsberger B. Decoding Borders: Appreciating Border Impacts on Space and People // Planning Theory & Practice. 2014. No. 15(4). Pp. 505-526. DOI: 10.1080/14649357.2014.963652
- Klein D. Battleground of Cultures: "Politics of Identities" and the National Question in Alsace under German Imperial Rule (1870-1914) // Revue d'Alsace. 2006. No. 132. Pp. 503-509.
- Kokaisl P., Hamouzová K., Hromádková M., Jarolímková T. "German" Culture in France - Alsace and Alsatians // Kulturní studia. 2013. Issue 1. Pp. 20-44. (in Czech).
- Newman D. On Borders and Power: A Theoretical Framework // Journal of Borderlands Studies. 2003. Vol. 18, No. 1. Pp. 13-25. DOI: 10.1080/08865655.2003.9695598
- Paasi A. The Changing Discourses on Political Boundaries: Mapping the Backgrounds, Contexts and Contents // B/Ordering the World / Eds. H. Van Houtum, O. Kramsch, W. Zierhofer. Farnham: Ashgate, 2005. Pp. 17-31.
- Popescu G. Bordering and Ordering the Twenty-First Century: Understanding Borders. Plymouth: Rowman & Littlefield, 2012. 192 p.
- Simmel on Culture: Selected Writings / Ed. by D. Frisby, M. Featherstone. London: Sage Publications, 1997. 302 p.
- The Dynamics of European Integration / Ed. W. Wallace. London: Pinter Publishers, 1992. 308 p.

Thomassen B. The Uses and Meanings of Liminality // *International Political Anthropology*. 2009. Vol. 2, No. 1. Pp. 5-27.

Uliasz S. *Borderland Literature - Borders of Literature: The Phenomenon of Eastern Borderlands in Polish Interwar Literature*. Rzeszów: Wyższa Szkoła Pedagogiczna, 1998. 244 p. (in Polish).

Zhurzhenko T. *Borderlands into Bordered Lands: Geopolitics of Identity in Post-Soviet Ukraine*. Stuttgart: ibidem-Verlag, 2010. 334 p.

References

All-Ukrainian Population Census 2001. URL: <http://2001.ukrcensus.gov.ua/> (in Ukrainian).

Bhabha H.K. *Culture's In-Between // Questions of Cultural Identity*. London: SAGE Publications, 1996. Pp. 53-60. DOI: 10.4135/9781446221907.n4

Bondareva N.N. *Problems and Prospects of Cross-Border Cooperation Between Russia and Ukraine // Scientific Works: Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences*. 2011. No. 9. Pp. 364-383. (in Russian).

Borisenok E.Yu. *The Phenomenon of Soviet Ukrainization 1920-1930s*. Moscow: Evropa/Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, 2006. 245 p. (in Russian).

Boyechko V.D., Ganzha O.I., Zakharchuk B.I. *Borders of Ukraine: Historical Retrospective and Current State*. Kyiv: Osnovy, 1994. 68 p. (in Ukrainian).

Burdick Ch. *Branding the Alsatian Oxymoron: The Production of Ambivalent Identity // Signs and Society*. 2016. Vol. 4, Issue S1. Pp. 163-187.

Carrol A. *Wine Making and the Politics of Identity in Alsace, 1918-1939 // Contemporary European History*. 2020. No. 29(4). Pp. 380-393. DOI: 10.1017/S0960777320000375

Castells M. *The Information Age: Economy, Society and Culture / Transl. from English, ed. by O.I. Shkaratan*. Moscow: Higher School of Economics, 2000. 606 p. (in Russian).

Chakraborty A.R. *Liminality in Post-Colonial Theory: A Journey from Arnold van Gennep to Homi K. Bhabha // International Journal of Social Sciences*. 2016. No. 1(1). Pp. 145-153.

Donnan H., Wilson T.M. *Borders and Border Studies // A Companion to Border Studies / Eds. T.M. Wilson, H. Donnan*. Chichester: Wiley-Blackwell, 2012. Pp. 1-25. DOI: 10.1002/9781118255223.ch1

Efimenko G.G., Kulchytsky S.V. *Borders and Territory of Ukraine in the 20th Century // Regional History of Ukraine*. 2008. Issue 2. Pp. 135-160. (in Ukrainian).

Ethnic Composition of Population by Russian Regions // 2002 Russian Census. URL: [link] (accessed: 15.10.2024). (in Russian).

Foucher M. *The Geopolitics of European Frontiers // The Frontiers of Europe / Eds. M. Anderson, E. Bort*. London: Continuum, 1998. Pp. 235-250.

Gerasimenko T.I. *Cross-Border Ethnocultural Regions: Methodological Approaches to Study // Proceedings of the Russian Geographical Society*. 2005. Vol. 137. No. 1. Pp. 73-83. (in Russian).

Golikov A.P., Chernomaz P.A. *Ukrainian-Russian Euroregion "Slobozhanshchyna" as a Form of Interregional Integration // Eurasian Economic Integration*. 2014. No. 2(23). Pp. 85-98. (in Russian).

Haselsberger B. *Decoding Borders: Appreciating Border Impacts on Space and People // Planning Theory & Practice*. 2014. No. 15(4). Pp. 505-526. DOI: 10.1080/14649357.2014.963652

- Klein D. Battleground of Cultures: "Politics of Identities" and the National Question in Alsace under German Imperial Rule (1870-1914) // *Revue d'Alsace*. 2006. No. 132. Pp. 503-509.
- Kokaisl P., Hamouzová K., Hromádková M., Jarolímková T. "German" Culture in France - Alsace and Alsatians // *Kulturní studia*. 2013. Issue 1. Pp. 20-44. (in Czech).
- Kolosov V.A. Border Studies in the Modern World: Theoretical Progress and Main Directions // *Regional Studies*. 2022. No. 3(77). Pp. 23-36. DOI: 10.5922/1994-5280-2022-3-2 (in Russian).
- Kolosov V.A. Theoretical Limology: New Approaches // *International Processes*. 2003. No. 3. Pp. 44-49. (in Russian).
- Kosov G.V., Yarmak O.V., Garas L.N. Galicia and Donbass as Ideal Models of Regional Identity: Sociocultural Roots of the Confrontation Between Western and Eastern Ukraine // *Bulletin of the Institute of Sociology*. 2024. Vol. 15, No. 3. Pp. 107-134. DOI: 10.19181/vis.2024.15.3.7 (in Russian).
- Krylov M.P., Gritsenko A.A. Regional and Ethnocultural Identity in Russian-Ukrainian and Russian-Belarusian Borderlands: Historical Memory and Cultural Transformations // *Labyrinth: Journal of Social and Humanitarian Research*. 2012. No. 2. Pp. 28-42. (in Russian).
- Melnikova R.I., Mamatov A.V., Pastyuk A.V. The Phenomenon of Liminal Identity of Population in the Russian-Ukrainian Borderland // *Medium and Small Cities of Border Regions: Proceedings of International Scientific Collection* / Ed. by Prof. V.P. Babintsev. Belgorod: Konstant, 2016. Pp. 151-166. (in Russian).
- Mezhevich N.M. Identity and Borders: Some Theoretical Issues and Practices in the Eastern Baltic Sea Region // *Baltic Region*. 2014. No. 3(21). Pp. 95-106. DOI: 10.5922/2074-9848-2014-3-7 (in Russian).
- Newman D. On Borders and Power: A Theoretical Framework // *Journal of Borderlands Studies*. 2003. Vol. 18, No. 1. Pp. 13-25. DOI: 10.1080/08865655.2003.9695598
- Paasi A. The Changing Discourses on Political Boundaries: Mapping the Backgrounds, Contexts and Contents // *B/Ordering the World* / Eds. H. Van Houtum, O. Kramsch, W. Zierhofer. Farnham: Ashgate, 2005. Pp. 17-31.
- Popescu G. *Bordering and Ordering the Twenty-First Century: Understanding Borders*. Plymouth: Rowman & Littlefield, 2012. 192 p.
- Romanukha O.M. *Formation of the Legal Status of the Modern Ukrainian-Russian Border*. Kryvyi Rih: DonNUET, 2019. 82 p. (in Ukrainian).
- Russian-Ukrainian Border. URL: <https://tass.ru/info/1267817> (in Russian).
- Russian-Ukrainian Borderland: Twenty Years of Divided Unity / Eds. V.A. Kolosov, O.I. Vendina. Moscow: Novy Khronograf, 2011. 352 p. (in Russian).
- Shinkaretskaya G.G. Problems of Succession and Borders of the Russian Federation // *Moscow Journal of International Law*. 1995. No. 4. Pp. 84-105. DOI: 10.24833/0869-0049-1995-4-84-105 (in Russian).
- Simmel on Culture: Selected Writings / Ed. by D. Frisby, M. Featherstone. London: Sage Publications, 1997. 302 p.
- The Dynamics of European Integration* / Ed. W. Wallace. London: Pinter Publishers, 1992. 308 p.
- Thomassen B. The Uses and Meanings of Liminality // *International Political Anthropology*. 2009. Vol. 2, No. 1. Pp. 5-27.
- Tikunov V.S., Igonin A.I. Russian-Ukrainian Border: Emergence and Stability // *Population and Economy*. 2018. No. 2(4). Pp. 136-160. DOI: 10.3897/popecon.2.e36062 (in Russian).

- Uliasz S. *Borderland Literature - Borders of Literature: The Phenomenon of Eastern Borderlands in Polish Interwar Literature*. Rzeszów: Wyższa Szkoła Pedagogiczna, 1998. 244 p. (in Polish).
- Zhurzhenko T. *Borderlands into Bordered Lands: Geopolitics of Identity in Post-Soviet Ukraine*. Stuttgart: ibidem-Verlag, 2010. 334 p.
- Zhurzhenko T. *The Ukrainian-Russian Border as a Cultural and Political Construct // Ukrainian-Russian Borderland: Formation of Social and Cultural Space in History and Contemporary Politics*. Seminar, Kharkiv, April 11, 2003 / Kennan Institute. Kharkiv, 2003. URL: [link] (accessed: 12.06.2024). (in Ukrainian).
- Zotova M.V., Gritsenko A.A., von Lewis S. *Ours or Strangers? Transformation of Border Practices and Attitudes Toward Neighbors in Belgorod and Rostov Regions of Russia After 2014 // Ethnographic Review*. 2021. No. 1. Pp. 124-144. DOI: 10.31857/S086954150013601-1 (in Russian).
- Zotova M.V., Kolosov V.A. *Transformation of Cross-Border Interactions in the Russian-Ukrainian Borderland After 2014 // Comparative Politics of Russia*. 2018. Vol. 9. No. 2. Pp. 41-61. DOI: 10.18611/2221-3279-2018-9-2-41-61 (in Russian).